

*Дмитрий
Ахметшин*

**СТРАННЫЕ
МИРЫ**

12+

Дмитрий Ахметшин

Странные миры

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ахметшин Д.

Странные миры / Д. Ахметшин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Маленький мальчик Данил, благодаря волшебству своего друга – кровавого чёртика по имени Тимоха, попадает в зазеркалье и путешествует по удивительным мирам. О приключениях Данила и Тимохи вы узнаете, прочитав эту маленькую повесть.

Эта история произошла с одним знакомым мальчишкой – из тех, что прибегают ко мне во двор взглянуть на отполированное и свежеекрашенное (вот этими вот руками!) крыло старой Волги, посмотреть, как вращается винт мотора самолёта Як-52, установленного на специальной деревянной стойке (корпус этого самолёта без крыла валялся на заднем дворе и, подобно банановой кожуре, мало кого интересовал – в отличие от живого, пахнущего маслом, двигателя). Он рассказал мне её по секрету, в обмен на разрешение посидеть в кабине "Фольксвагена-жука" семьдесят первого года.

Что касается автомобиля, эта птаха угодила ко мне совершенно случайно и не собиралась улетать – потому, что не могла. "Дай мне срок, – хрипел я, копясь в моторе. – Дай мне хотя бы два года, и ты у меня полетишь так резво, что сам ветер не догонит". Насчёт двух лет я был слишком оптимистичен. Иногда на то, чтобы найти какую-нибудь оригинальную деталь для особенно редкого автомобиля, уходил десяток лет – не поисков, но терпеливого ожидания, мониторинга, как сейчас говорят, рынка, а точнее – развалов старьёвщиков и автомобильных перекупов.

Зато он сохранил родную приборную панель и рулевое колесо, которое прямо таяло под руками, словно горячий немецкий бублик: его потёртая кожа приводила в трепет ватагу мальчишек, подглядывающих сквозь щели в заборе.

Чтобы немного развлечься, я просил их рассказать, что интересного произошло с ними за последнее время. Что они видели, что слышали, о чём мечтали. Годилась и просто интересная история из вторых уст. Я без жалости гнал со двора хитрецов, пытающихся впарить мне пересказ книги или фильма (благо, шириной кругозора и начитанностью я пока их превосходил). Однако каждый знал, что когда моя рука тянулась к ручке громкости у радио, чтобы немного приглушить ведущих "Серебряного дождя", – это верный знак того, что рассказчику позволено проникнуть за калитку и примоститься на груди покрывшек, поприветствовав Рупора, серебрястого ретривера, скрещенного с дворняжкой, дружелюбного до безумия.

Так что, можно сказать, помимо старинных средств передвижения, которым я по мере сил старался придать вид сверкающей монетки, я коллекционировал Наблюдательность, Фантазию, Любопытство, Подвешенные языки, и прочая, и прочая...

Тот мальчишка даже не думал поступать, как все остальные. Он не пялился через щель в заборе или через приоткрытую дверь калитки в компании других таких же пострелят, храбрых и подзадоривающих друг друга. Однажды дождливым сентябрьским днём он просто постучался и вошёл, один-одинёшенек, будто гайка, которую я по недосмотру обронил в осеннюю грязь, бледный, в джинсовой куртке, застёгнутой на все пуговицы, с непомерно отросшей чёлкой коричневых волос, спадающих на глаза.

– У меня есть для вас история, – сказал он, глядя по сторонам так, будто проснулся на середине дороги в школу и обнаружил себя совершенно в другом месте.

Я прищурился, пытаюсь вспомнить, как зовут этого паренька. Ясно одно: он не был у меня во дворе частым гостем. Ясно и другое: я вижу его не впервые.

Я жил на одной из старых улиц Самары в одноэтажном доме, полностью заросшем с одной стороны вьюнком. Этот дом меня когда-то воспитал, и, наверное, именно благодаря ему я воспылал страстью к старым вещам. В первую очередь к механизмам. Благо, масштабы двора позволяли. В своё время я застелил его ненужными коврами, собранными со всех окрестных домов, печальным, пурпурным, а местами уже грязно-бурым свидетельством недостатка среднестатистической советской семьи. Теперь я разбираю и собираю на них свои механизмы. За покосившимся забором ездили трамваи и вопили птицы, лакомясь ягодами рябины и семечками из стаканов увлечённо беседующих бабок-торговок.

Сегодня не тот день, когда заходят в гости. Вторник, часы лютеранской церкви только что пробили двенадцать. Небо нынче хмурое – самое то для сентября, но всё-таки немного

обидно. Я пытался избавиться от неприятного осадка на душе (подходящего ноябрю, но никак не первому осеннему месяцу), сидя на крыльце и разложив перед собой инструменты, которые давно намеревался смазать, заточить и обработать от ржавчины.

Откровенно говоря, смотреть сейчас было не на что. Авиационный мотор я закрыл от дождя брезентом. Даже машины, которые всегда приводили мальчишек в восторг, выглядели старыми развалинами. Гордость моей коллекции, «Мерседес-кабриолет» пятьдесят пятого года, также был накрыт брезентом, кроме того, был в крайне удручающей форме: повинуюсь какой-то мимолётной блажи, я выпотрошил его до самых что ни на есть осей в безуспешной попытке найти источник стука в передней подвеске.

Тем не менее мальчишка, осмотревшись, кажется, остался удовлетворён – словно уже получил награду, хотя я ещё ничего ему не обещал – и теперь готовился выполнить свою часть сделки. Он поднялся по ступеням, замер, как кот, не знающий, угостят ли его здесь куриной кожицей или погонят прочь лысой метлой. Несколько раз вздохнул, будто принуждая себя к чему-то, осмотрел свои ладони, словно ожидал увидеть между пальцами паутину и даже, кажется, удивился, не обнаружив её.

И начал свой рассказ:

– Случилось так, что однажды у меня пошла носом кровь...

Меня не покидало ощущение, что кое-кто хочет надо мной посмеяться.

– Постой-постой, малец. Просто хочу предупредить: если ты собираешься нести мне тут какой-нибудь вздор...

Я запнулся, разглядывая его лицо. Узкое, с блеклыми глазами и тонкими, меланхолическими чертами, очки в изящной оправе были похожи на тонкий лёд, по которому вот-вот победит трещина.

– Ты с девятого дома, верно? Внук Сергея Андреича... Данил?

– Данил.

– Правильно. Прости мне мою грубость. Так зачем же ты ко мне пришёл?

Рассеянный взгляд Даниловых глаз прошёлся по моему лицу, мокрым снегом по скату крыши скользнул вправо, туда, где скучала, переговариваясь низким басовитым гудением, возникающим от ударов крупных редких капель по капоту и крышам, моя коллекция.

– Тот "Фольксваген-жук"... и самолётный мотор, – он определённо знал, что где располагалось, хотя по эту сторону забора не был ни разу. Мне почему-то казалось, что ему потребовалось немало смелости, чтобы взять и прийти сюда... несмотря на то, что мальчишка не выглядел испуганным. – Я бы с удовольствием послушал, как они звучат. Знаете, я люблю слушать. У меня дома есть пластинки со всякими группами, соулом, блюзом и другой американской музыкой. Эти пластинки мой прадед когда-то прятал в тайнике под кроватью и ставил по утрам, когда все едут на работу и шум на улице стоит невообразимый. Если бы их нашли, то его бы сослали... его и так сослали. Он жил в Санкт-Петербурге, а сослали его Бурятскую АССР, а потом он переехал в Куйбышев, где и умер. Все эти годы он таскал эти пластинки с собой. Так вот, бывает, я заряжу их и слушаю. Там и музыки-то почти уже нет, только помехи.

Он надолго замолчал, теребя пальцами пуговицу кармана на брюках.

– И что же у тебя за история? Особенная, верно? – вздохнув, я вернулся к лежащей на верстаке болгарке и ароматной маслёнке. Высоко в ветвях дуба, единственного дерева, растущего у меня во дворе (я называл его Антоном Павловичем и не позволял притрагиваться к непомерно разросшейся кроне ни одной пиле, будь она в руках работника коммунальных служб или даже собственного сына), шумел ветер. – Иди сюда, под козырёк. Не мокни.

Данил послушно поднялся. Присел на корточки. Я подумал, что у него навряд ли много друзей. Слишком уж болезненный и странный. Не говоря уж о том, что много разговаривает.

– Я уверен, никто вам такую историю не рассказывал, – произнёс он.

Это мы ещё посмотрим, – подумал я, готовясь слушать и запоминать. Очень может быть, что малец читает не те книжки, что читают его сверстники, смотрит не те фильмы. Предсказуемость и условность их сюжетов я научился лузгать как жареные тыквенные семечки. Только вчера Федя из третьего дома пытался выдать себя за участника событий старой как мир истории о путешествии по Волге на школьном трамвайчике и экскурсии в пещеры, якобы пронизывающие Жигулёвские горы, где рассказчик благополучно заблудился с самой красивой девочкой в классе... нет уж. "На Тома Сойера ты, Федька, не похож, – заявил ему я. – Том Сойер – великий сочинитель, он бы нашёл способ забраться ко мне во двор среди ночи и самостоятельно осмотреть всё, что его заинтересует».

После этого он, кажется, крепко задумался. Я не дал ему развить мысль, сказав, что отныне буду выпускать на ночь Рупора. Этот добряк ни за что не покусится на чужую лодыжку, но может поднять изрядно шума, так, что маленькому взломщику, вместо того чтобы гулять по ночному музею под открытым небом, придётся убраться восвояси.

– Всё началось несколько лет назад... – начал Данил.

Всё началось несколько лет назад, когда у мальчика вдруг ни с того ни с сего сильно пошла носом кровь. Не сказать, что раньше такого не случалось – случалось, и не раз. Родители таскали его по врачам, без особого, впрочем, успеха. Лор вещал про слабые стенки кровеносных сосудов. Родители ужасались и качали головами.

На самом деле, знай они *всю* правду, головы их открутились бы совсем, словно у дешёвых китайских кукол. Данил страдал от подобных кровотечений с самого детства, и большая их часть приходилась на время, когда он оставался один. Он довольно рано научился приводить себя в порядок, встречая родителей полностью умытым. Следы на рукавах и коленях мама принимала за соус или сироп, браня маленького Данилку за неаккуратность.

Впрочем, что-то родители да подозревали. Они спланировали рабочие графики так, чтобы кто-то непременно оставался с малышом, а позже подкармливали воспитательницу в детском саду, румяную толстушку, дорогими конфетами, чтобы она ни на минуту не оставляла малыша без наблюдения.

Они не учитывали только одного – своенравности сына. Он быстро понял, как скучает по одиночеству. Мальчишка убежал и прятался в высоких шкафах, предназначенных для курток детей и шуб воспитательниц, нянечек, а также директорши детского сада, объёмной в талии дамы, в карманы верхней одежды которой, наверное, можно было спрятаться с головой. Оттуда пахло хвоей, трамвайные билетки шелестели с тем же звуком, что и сухие листья, а сухие листья были надорваны или прокомпостированы так, будто их погасил кондуктор. Данил подходил к ней с осторожностью, как к большому, пугливому зверю: он вовсе не хотел испачкать шубу этой доброй, мудрой огромной женщины, ведь именно она предостерегала родителей от того, чтобы установить по всему дому видеокamеры:

– Попробуйте дать ему немного свободы, – говорила она, положив перед собой на стол свои пухлые, сдобные руки. – Скажем, пять-десять минут в день. Вы не поверите, как сильно он будет вам благодарен.

– Вы совсем не знаете Данилку, – с укором говорила мама. – Он ведь болеет. Он ведь может *умереть* в одиночестве!

Кровотечение всегда наступало неожиданно. Вот ты на прогулке с остальными детьми, и в то же время не с ними, в каком-то другом мире, воображаешь, что хруст снега под валенками – это рык и рёв чудовищ в недрах горы, куда ты прямо сейчас спускаешься, что забрало (заиндевший от дыхания шарф) тревожно поскрипывает, будто готовится принять удар... а в следующий момент сидишь и зажимаешь варежкой нос, запрокидывая голову, как учила мама. На самом деле она говорила: "*Не* запрокидывай голову", но Данил, как и многие дети, ставил

многие выражения с ног на голову. Ямочка над верхней губой становилась котлом, полным кипящей крови, во рту неожиданно сухо и горячо.

"Как же я подпустил к себе всех этих чудовищ, – растерянно думал мальчик. – Ведь я был таким внимательным! Этого просто не могло произойти".

Но это происходило.

– Чего это ты здесь расселся?

Данил видит перед собой Валеру Козлова и его друзей. Валера – настоящий воин. Он не плохой, совсем нет, но как человек он полная противоположность Данила. С раннего детства, с первого сказанного слова (это слово было не из простых: "отец", и отец как раз стоял возле кровати, дородный мужик с седыми усами, бесцветными глазами и в военной форме) он знал, чем будет заниматься. Он хотел командовать армиями, собственноручно стоять на передовой с автоматом и со штык-ножом.

Такие люди пугали Данила... откровенно говоря, в тот период жизни его пугали все люди. Он сполна осознал это позже, уже будучи в школе, когда вдруг сказал себе однажды, лёжа в кровати без сна: "Наверное, появившись из тумана за окном сейчас чудовище, какой-нибудь Шаб-Ниггурат из старых легенд, я бы испугался его куда меньше, чем всех этих людей, что спят, ругаются, ходят и смеются этажом выше и ниже. С самого рождения каждый, кроме тех, кому повезло по той или иной причине оказаться на необитаемом острове, окружён ими, *другими* людьми, что выглядят совсем как ты, но никто не знает, кто или что они такое. Жуть, правда?" Приходя в школу, он садился на последнюю парту, чтобы *точно* знать, что сзади никого нет, кроме портретов бородатых мужиков в рамках, и всё равно чувствовал за стенкой, в другом классе, чужое совокупное дыхание.

В тот момент, когда Данил поднял на Валеру идеально круглые, совиные глаза, тот сказал:

– Да у тебя нос кровит. Ты что, в стенку врезался?

Мальчишки, которые также точно знали, чем будут заниматься в жизни, а собирались они подчиняться самому сильному, захихикали.

– Он так тебя испугался, что сам себя по носу ударил, – сказал один.

– Ну-ну, – сказал Валера, глядя на Данила сверху вниз и переваливаясь с носка на пятку. Руки в карманах. – Мужик ты или нет? Если ты собираешься сидеть здесь и ныть, тебе нужно приходиться в сад в юбке.

У него получалось: "музыг", губы дёргались (особенно верхняя), пытаюсь сдержать ухмылку. В голове его уже созрел план коварного удара в тыл противнику, к которым для Валеры автоматически причислялся каждый, кто не торопился стать ему союзником в играх на грани детской жестокости.

– Эй, ребята! Давайте отберём у него штаны. Пускай сходит к воспиталке и попросит у неё юбку.

– Зароем их в снег! – с восторгом подхватил кто-то.

– Посмотрим, как он побегаёт по морозу...

Внезапно круг детей разбил серый мохнатый валун – тётя Тома, та самая "воспиталка", которую никто не отважился бы так назвать в глаза, зато за глаза называли все. Посмотрела на Данила, который снова, запрокинув голову, принялся промокать нос варежкой, а потом обвела строгим взглядом других ребят.

– Что здесь происходит, дети? – спросила она, и Валера потупился. Его свита начала потихоньку отползать в стороны, будто опасаясь, что камень воспитательских телес сейчас покажется вперёд и воцелит их в снег.

– Да ничего, тётятома... Этот нытик...

– Да как вам не стыдно! Он же ваш товарищ!

– Это не мы его ударили, – завыл кто-то из мальчишек. На лице Валеры отразилось облегчение. Было видно, как претит ему оправдываться – даже если он ни в чём не виноват. Валера собирался *совершить* поступки, а не оправдываться за них.

Тётя Тома набросилась на говорившего, словно первобытный, обросший мехом коршун из северных широт.

– Так вы могли бы не стоять истуканами, а позвать меня!

Она помогла Данилу встать, отряхнула его от снега. За её спиной все участники импровизированного театрального представления по одному скрывались за кулисами под молчаливое одобрение зрителей, которые тоже начали потихоньку расходиться.

– Они тебя не обидели?

– Не знаю, – сказал Данил. У него кружилась голова. Пар, вырывающийся изо рта, казался багровым.

Тётя Тома взяла мальчика за руку, провела мимо играющих детей в помещение, заставила вытереть о коврик ноги и подтолкнула к раковине.

– Умойся, а я схожу за салфетками и ватой.

– Придёт тётя медсестра?

– Нет, что ты. Это просто кровь из носа. Никаких уколов, – она подмигнула мальчику висящее над раковиной зеркало и нахлобучила глубже его шапку. – И медсестру мы, пожалуй, звать не будем.

Она подождала, пока он смочит подбородок и верхней губы кровь, потом сказала:

– Никаких медсестёр... при одном условии. Если мы с тобой не будем говорить твоим маме и папе, что у тебя снова шла носом кровь. Ладушки? Ну зачем их беспокоить!

Данил пожал плечами, разглядывая в зеркало курчавые волосы, торчащие из подбородка тёти Тома. Она не уходила. Люди в белых халатах со всеми их хитрыми блестящими штуками, которыми так и норовят залезть тебе в ухо или нос, не пугали мальчика – не то, чтобы он посмотрелся их достаточно за свою жизнь, хотя и это тоже. Всё дело в ощущении, которое Данилу запомнилось очень хорошо – ощущении вынужденной покорности. "Тебе никуда не деться из этого кресла, – шептало оно, стискивая до немоты руки и вызывая судороги в ногах. – Они будут делать с тобой ужасные, болезненные вещи, и называть это уходом за здоровьем". И воспитательницу тоже можно понять. Она не хотела лишаться еженедельного пайка из сладостей.

Грозовая туча начала рассеиваться, только когда он пролепетал:

– Хорошо, тётя Тома.

Она уплыла за горизонт, так и не сняв верхней одежды и оставляя мокрые следы на паркете. Данил склонился над раковиной, глядя в красные полосы на белом фарфоре (от него, как и от снега, в голове раздавались беззвучные хлопки, вспышки боли) и пузыри крови у сливного отверстия. Потом, повинувшись порыву, повернулся и захлопнул дверь.

Что-то должно было произойти. Кровь не останавливалась. В глотке горячо, будто она поднималась по пищеводу, в желудке пусто и нехорошо. Вместо того чтобы просто стоять над раковиной и ждать тётю Тому с ватой или запрокинуть голову, как Данил обычно поступал, он зажал одну ноздрю и принялся усиленно дышать. При каждом выдохе зубы стучались друг об друга и вызывали где-то в недрах головы странное певучее эхо.

Я просто уроню голову в раковину и усну, – рассеянно думал он. – Не просто же так она такой же формы, как моя голова? И белый фарфор... холодный, как снег.

Стало жарко. Мальчик снял шапку, не переставая дышать через ноздрю. Раздался звук, как будто что-то где-то оборвалось, и кровь хлынула потоком. Сначала красная, как гранатовый сок, она приобрела оттенки чёрного бархата.

И тогда из особенно большого кровавого сгустка появился он. Чёртик с кирпичного цвета кожей, которую сеточкой оплетали вены. Маленькие лапки скользили по фарфору, коготки

скрипели и оставляли на раковине еле заметные отметины. Хвост метался из стороны в сторону, будто хвост крошечной гадюки. Существо раскорячилось, отчаянно пытаясь удержаться на ногах. Данил, сам того не желая, подставил палец, чтобы чёртик за него уцепился...

– Постой-постой, – замахал руками я. – Ты сказал – чёртик, который вылез у тебя прямо из ноздрей?

– Из одной ноздри, – не меняя выражения лица, поправил Данил.

До сих пор я слушал, занимаясь своими делами... не скажу, что вполуха, совсем нет – мне было ужасно интересно. Эта история не похожа на все прочие. Обычно рассказы ребят скатывались в откровенную скуку или не менее откровенное враньё. Рассказ же Данила тёлк открыто и плавно, так, будто он рассказывает семейное предание, повторяемое с раннего детства по самым разным поводам. И вот, не меняя голоса, не повышая тона – поворот, заставивший меня забыть про все свои инструменты. Догадываюсь, в тот миг я смотрел на мальчишку, как кондуктор на сумасшедшего, прервавшего его трамвайную дрёму. Того, похоже, моя реакция нисколько не интересовала. Он не делал драматических пауз, не смотрел заискивающе – нравится мне или нет? Он знал, что эту историю я дослушаю до конца.

Дождь, сделав глубокий вдох (во время которого все капли, казалось, на мгновение зависли в воздухе) припустил с новой силой. Прибежал мой кот Лютик, весь мокрый и озирающийся так, будто за ним гонится стая собак. Великолепная рыжая шерсть намочла и свалаялась неопрятными пучками. Он вскочил на валяющуюся здесь же покрывку и попробовал вытереться о штанину Данила. Тот, похоже, ничего не заметил. Рупор ретировался под крыльцо. Зонтики прохожих плыли над забором, будто льдины в весеннем потоке... только у этой реки не было весеннего настроения.

– И что это был за зверь такой? Обычно из ноздрей вылезает... хм... совсем другое.

Данил рассеянно почесал кога за ухом.

– О, он очень странный. Вы не поверите, но с первого дня мне было очень легко с ним общаться. Я как будто знал, что мы найдём общий язык. Хотя он не человек... вернее, именно потому, что он не человек. Наверное, это всё равно, что найти лучшего друга. Или в первый раз увидеть своего новорожденного брата.

Мальчик строго посмотрел на меня поверх очков, и я задался вопросом – не являются ли они бутафорией? Близорукие люди не умеют так смотреть: без своего оружия для глаз их лица приобретают такой вид, будто их намылили мылом.

– У меня никогда не было ни того, ни другого. Я дружил со многими людьми и чудовищами, но все они оказывались не настоящими. Многие были похожи на настоящих, как две капли воды, но в конце концов всё кончалось одинаково – голосом мамы, которая приходила меня будить, или солнечным зайчиком прямо вот здесь, на переносице, по выходным.

Я не мог понять, в каком месте кончился правдивый рассказ и началась шутка. Шов был настолько незаметен, что даже намётанный глаз не мог его различить. Меня вдруг посетила неожиданная мысль: наверное, я точно так же не смогу найти шва на собственной жизни. Из неприкаянного странника, перепробовавшего десятки (сотни!) профессий, стилиаги, любителя лоска и новых автомобилей (со временем, *as time go by*, они стали ретро-автомобилями) я превратился в домоседа, счастливого тем, что ему есть где сидеть, способного копаться в моторе до поздней ночи, если необходимо – при свечах. Вряд ли, оглядываясь назад, я нашёл бы, на чём на ровном полотне моей жизни остановить взгляд.

Решив, что поразмыслю над этим позже, я попросил его продолжить.

– Сначала я думал, что он не настоящий, понимаете? Что я... ну... шлёпнулся в обморок. Тогда я не знал, что такое "шлёпнуться в обморок"... нет, конечно, я так делал, когда терял слишком много крови, но я думал, что просто засыпал, а иногда и вовсе не понимал, как ока-

зался на полу и почему мама кричит, а папа бежит кругами, запустив в волосы пальцы. Но он был самый что ни на есть реальный.

– Твоя шляпа просто кошмарна, господин волшебник, – с укором сказал он. Данил принялся ощупывать свою макушку и несколько удивился, не обнаружив там даже шапки. Он уже забыл, что только что страдал от жары. – Ты не мог бы вытащить меня из этого ужасного места? Меня от белого начинает выворачивать наизнанку.

– Это не шляпа, – Данил хихикнул, попытавшись представить раковину у себя на голове. Получилось плохо. – Здесь руки моют.

Чёртик смотрел себе под ноги почти с суеверным страхом.

– Не говори ничего! Коварство людей – а в особенности маленьких людей! – известно очень широко. Конечно, это шляпа. Или её разновидность. Тебе надоели кролики и ты хочешь поместить туда меня, чтобы вытаскивать на потеху публике. Так знай же, что накладные уши я надевать не буду! Не буду, и всё!

Самонадеянно выпустив палец Данила, он поскользнулся и потешно шлёпнулся на спину, принявшись тонким голосом вопить, что "не видит у этой шляпы дна".

Это был большеротый чертёнок росточком примерно с ладонь взрослого (Данил уже недоумевал, как он поместился у него в ноздре) с длинным морщинистым носом, лягушачьими конечностями и хвостом чуть толще кошачьего уса. Между локтями и туловищем кожистые перепонки, как у летучей мыши. С узловатых пальцев, с подошв ног безостановочно капала кровь – выглядело это так, будто он только что выбрался из чана с гранатовым соком. Глаза блестели, словно пуговицы от маминого платья.

Пальцы Данила нырнули следом за чертёнком и вытащили его за шиворот – загривок у него оттягивался и походил на кошачий.

В этот момент дверь дёрнулась – тот, кто пытался войти, видимо, не ожидал, что она будет заперта. Спустя несколько секунд из-за неё послышался ласковый голос тёти Тома:

– Данилка, малыш, что ты там делаешь? Открой дверь. Я принесла вату.

Мальчик облизал верхнюю губу. Он не помнил, чтобы трогал на двери задвижку.

– Это ты сделал? – шёпотом спросил он.

– Как, интересно, я мог бы запереть здесь, барахтаясь в твоём головном уборе? – недовольно ответил чертёнок, медленно поворачиваясь в пальцах мальчишки вокруг своей оси.

– Ты же... ну... – Данил думал как донести до незваного гостя суровую правду, не сильно его расстроив, – вроде чеширского кота из Алисы в стране Чудес? Можешь творить всякие чудеса, просто щёлкнув пальцами.

– Чудеса, мой маленький друг (Данилу показалось, что чертёнок произнёс это с издёвкой), лучше творить самостоятельно, не полагаясь на всяких чудиков, вроде меня, и не ожидая бородатого волшебника в шляпе. То, что ты не помнишь, как это произошло, ещё ничего не значит. Наверняка ты сам закрыл дверь на засов, а теперь ищешь любую возможность, чтобы переложить ответственность на оказавшегося *совершенно случайно* рядом чёртика вроде меня, или... постой-ка! – он сложил крошечные ручки на впалой груди. – Уж не хочешь ли ты сказать, что считаешь меня персонажем сказки? Это было бы просто возмутительно невежливо с твоей стороны.

– Нет... – Данил совсем растерялся.

– Я что, обязан извлекать на свет божий мудрые мысли и выручать тебя из затруднительных ситуаций?

Данил подумал, что возмущение чертёнка вполне уместно.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Голос тёти Тома за дверью (звучащий сейчас для Данила как далёкий морской прилив) из заискивающего стал нетерпеливым, а потом просто-напросто оборвался на полуслове, как будто перед бегунами перерезали ленточку, дающую сигнал на старт. Дверь вдруг дёрнули с

такой силой, что она почти слетела с петель, а из замка-щеколды выскочил один из трёх держащих его гвоздей.

Данил втянул голову в плечи. Ему казалось, там, снаружи, трясёт и давит на дверь огромный коричневый медведь, жадный до крови и почуявший её через два сантиметра дверного полотна. Чертёнок вдруг звонко шлёпнул мальчика по руке.

– Потом обменяемся любезностями. Кажется, сегодня мне и вправду придётся тебя выручить. Но обещай, что потом ты пересмотришь свои взгляды.

Он не стал ждать ответа. Ловко вывернулся из пальцев, пробежал по руке, оставляя на куртке мокрые следы, и устроился на макушке мальчика. Данил тем временем озирался, пытаясь понять, каким способом новый друг (волшебный, без сомнения волшебный!) собирается вытащить его из затруднительного положения. Как-то папа напугал его, что если кровь не остановится, то она вытечет вся, и Данил сдуется, как воздушный шарк. Останется только оболочка, тонкая, как кожица от яблока. Возможно, именно в этом нужно увидеть спасение: он весь вытечет в сливное отверстие и уплывёт путями водосточных труб, а чертёнок тем временем скатает оболочку в рулон, закинет на плечо и прошмыгнёт между ног у тёти Тома.

Но кровь из носа почти остановилась.

Тётя Тома не стала бы его ругать – или тем более пороть. Наверное, она подумала, что он *потерял сознание*: мама всегда этого боялась.

– Подними-ка глаза, – сказал чёртик, дёрнув его за ухо. – Что ты видишь?

– Себя. И тебя.

– А как это всё называется?

– Отражение... зеркало!

– Любое зеркало это дверь в странные миры.

– В странные миры, – послушно повторил Данил, и тут же получил достаточно чувствительный тычок в затылок.

– Не говори так, будто стал заглавной буквой в приключенческой книжке! – заверещал чертёнок. – Я тебе не какой-нибудь там... а, ладно! Чего уж там! Ом на фера бурундукум!

Данил сразу почувствовал, что что-то изменилось. Он по-прежнему смотрел на своё отражение и видел, как там, за спиной, вдруг распахнулась дверь. Он не услышал ни звука, чертёнок пропал с его головы и обернулся кровавыми брызгами на поверхности зеркала. Тётя Тома, как ожившая земляная кочка, как сошедшая лавина, заполнила собой всё помещение. Она повернула к себе Данила и стала его трясти, заглядывая в глаза и разводя накрашенные губы в страшной гримасе, долженствующей символизировать крайнюю степень беспокойства.

Сам Данил не чувствовал ничего, кроме тяжести чертёнка на макушке, который, видимо, уселся там по-турецки. Каким-то образом они оказались по ту сторону зеркала и смотрели в него как в окно, по другую сторону которого был мальчик, очень похожий на Данила. "Зазеркалье!" – мелькнуло в голове, но вокруг не было того волшебного мира, в который попала Алиса – ничего даже отдалённо похожего. Тот же туалет с несколькими кабинками, та же раковина с кровавыми разводами, стены с нарисованными на них домиками, да зеркало.

Ухватившись за волосы мальчика, чёртик свесился вниз головой прямиком на переносицу.

– Называй меня Тимохой.

– Тимохой? Ты что, серьёзно?

Мальчишка фыркнул так, что бесёнок едва не свалился с его головы. Он ожидал какого-нибудь волшебного имени, вроде Добби или Эйфьядлайёкюдля.

– Ну да. На самом деле меня никак не зовут, я просто один из множества кровавых чертят, похожих друг на друга как две капли крови, но коль уж я оказался здесь, снаружи, мне не помешает настоящее имя.

– И куда же мы попали... Тимоха?

– Можно просто Тим, – великодушно разрешил чёртик. – Туда же, откуда пришли. Это один из странных миров. Они все похожи на твой как две капли воды, за тем лишь исключением, что чем-то да отличаются. Иногда это различие очевидно, иногда его ещё нужно поискать. В этом, как видишь, нет этой страшной женщины, которая так хочет к тебе ворваться.

Данил обернулся и внимательно посмотрел на дверь. Она в самом деле не тряслась и не торопилась слететь с петель.

– Ага... а что ещё за бурундукум?

– Давай сделаем вид, что ты ничего не слышал.

Чёртёнок исчез из поля зрения: заполз обратно на макушку.

– Но я слышал. Это от слова "бурундук"? Чтобы прыгать, как они, только не из норы в нору, а между этими странными мирами.

Данил затих, обдумывая перспективы, которые открывало перед ним знание этого смешного слова.

– Мы подождём, пока всё успокоится, а потом вернёмся?

По ту сторону зеркала никого не было... никого, кроме него самого и чертёнка – снова. Дверь была распахнута, замок сломан. Воспитательница куда-то ушла, уводя с собой того, фальшивого, Данила.

– Без крайней необходимости прыгать между мирами нельзя, – Тим барабанил по подбородку длинными пальцами, словно паучок, утирающийся после сытного обеда. – Придётся тебе теперь жить здесь. Я не думаю, что ты заметишь разницу. Те же мама и папа. Тот же дом и любимые игрушки. Даже книжки на полках навряд ли поменяются местами.

– А если замечу?

– А если и заметишь, вряд ли она тебя утешит в минуты слабости или подкинет приключение, когда будет совсем скучно. Скорее, это будет как одна из этих несуразных красивых, но бесполезных штукovin, что стоят на столе твоего папы.

– Ничего не понял, – замотал головой Данил. – Что ещё за штукovina?

Чёртик больно дёрнул мальчика за волосы. Он был самым нетерпеливым существом, которое Данилу доводилось встречать.

– Как китайская игрушка, красивая, говорящая, громкая... которая при всём при том будто бы играет сама в себя.

Данил важно покивал. Ему встречались такие игрушки: радующие и привлекающие взгляд сначала, и валяющиеся в самом пыльном углу потом. Ими невозможно было играть, не вписываясь ни в один созданный ребёнком мир, они порождали свой – из пластика и фальшивого дружелюбия. Такой мир, наверное, мог бы присниться в кошмарах.

– Но ты же останешься. Ты хоть и болтаешь без умолку, но зато не похож на паровозика Томаса.

– Я вывалился у тебя из носа совершенно случайно. Всему виной это кровотечение. Вообще-то мой дом там, внутри, моя работа – заставлять работать твои лёгкие и проходиться по внутренним стенкам сосудов щёткой с грубой щетиной, чтобы очистить их от всякого мусора. Этот отпуск был неплохим развлечением... было приятно с тобой познакомиться и всё такое... но я планирую вернуться ближайшим же поездом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.